

А Н Т О Л О Г И Я

Раздел АНТОЛОГИЯ включит поэтические тексты авторов, имена которых читателю будут по-видимому хорошо известны. Задача раздела не в том, чтобы открыть читателю новых или забытых авторов, и не в том, чтобы облегчить доступ к стихам некоторых из них. Предполагается, что включая их в контекст нашего журнала, с одной стороны, мы подвергаем их испытанию временем, с другой, — и это представляется наиболее интересным, — возникает возможность сопоставления с этими образцами художественного творчества то, что создается нами сегодня.

Отрадно посвятить первый выпуск "Антологии" творчеству замечательного русского поэта Георгия Иванова /1894-1958/. Литературную судьбу Иванова не назовешь счастливой. Несмотря на то, что стихи он писал с младых ногтей /первый сборник "Открытие на о. Цитеру" вышел в 1912 году/, ранние работы поэта особого интереса не представляют. Недолгое увлечение поэзией И. Северянина сменилось старательными поделками в духе Гумилева и Кузмина: книги стихов "Вереск" /1916/, "Лампада" /1921/ полны экзотических стилизаций /впоследствии Г. Иванов будет одним из первых биографов Н. Гумилева; он же собрал и отредактировал в 1921 г. посмертную коллекцию стихов своего учителя/; вслед заенным М. Кузмичем, Г. Иванов любуется салонными реликвиями "осмынадцатого века". Критики определяют Г. Иванова поэтом периферийным, полностью зависящим от выбранных мэтрами направлений. Однако, в эмиграции /с 1922 г. Г. Иванов живет сначала в Берлине, затем в Париже/ поэт обретает новый голос. Лирико-философские размышления о судьбе России сменяются едкими и язвительно-искренними размышлениями об участии эмигранта. Особенно пронзительное звучание приобретают эти темы в 50-е годы, последнее десятилетие жизни поэта. Судьбе оказалось угодно, чтобы великолепные стихотворения Г. Иванова 50-х годов оказались почти незамеченными критикой и читателями. Тяжело больной, бедствующий материально, поэт незадолго до смерти записывал в дневнике:

А может быть еще и не конец?
Торновый мученический венец
Еще мой мертвый не украсит лоб
И в fosse commune мой нищий ящик-гроб
Не сбросят в этом мерзком Иере.

Могу ж я помечтать, по крайней мере,
Что я еще лет десять проживу,
Свою страну увижу наяву -
Неву и Волгу, Невский и Арбат -
И буду я прославлен и богат,
Своей страны любимейший поэт...

Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет.
На что надеяться, о чём мечтать?
Я даже не могу с кровати встать.

/цит. по: Ю.Терапиано "Посмертный дневник Георгия Иванова", Русская мысль № 2089, 21 дек.1963/.

В сентябре 1958 г. Г.Иванов умер в полной нищете и безвестности. Лишь в 1963 году друзья поэта перевезли его прах на кладбище для бедняков в Прованс в Сент-Женевьев под Парижем.

Литературное наследие Г.Иванова достаточно обширно. Стихотворения, пьесы, роман Третий Рим (осуждённый критикой за безнравственность), широко известные (в том числе и в СССР) мемуары "Петербургские зимы".... С конца 60-х годов начинает расти читательский интерес к творчеству поэта, его имя ставят в ряд с именами старших акмеистов - А.Ахматовой, О.Мандельштама. В настоящее время в США ведется работа по созданию Собрания произведений Г.Иванова.

В СССР творчество Г.Иванова практически неизвестно. Его поздние стихи никогда не публиковались, исследований его творчества на официальном уровне не проводилось.

Сведения о биографии Г.Иванова можно отыскать в мемуарах И.Одоевцевой "На берегах Сены" и, отчасти, у Н.Мандельштам, во "Второй Книге".

Л.Д.

ЛИТОГРАФИЯ.

Я не пойду искать изменчивой судьбы
В краю, где страусы, и змеи, и лианы.
Я сел бы в третий класс и я поехал бы
Через Финляндию, в те северные страны.

Там в ледяному лесу удары топора,
Олени быстрые и медленные птицы,
В снежки на площади веселая игра
И старой ратуши цветные чепелицы.

Там путник, постучав в гостепримный дом,
Увидит круглый стол в вечернем полусвете.
Окончен быстрый день с морозом и трудом,
Раскрыта библия и присмирили дети.

Вот я мечтаю так сейчас на Рождестве.
Здесь тоже холодно. Снег поле устилает.
И, как в Норвегии, в далекой синеве
Зеленая звезда трепещет и пылает.

1917.

• • •

Хорошо, что нет царя,
Хорошо, что нет России,
Хорошо, что Бога нет.

Только желтая заря.
Только звезды ледяные.
Только миллионы лет.

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего.
Так черно и так мертвое,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

1930.

Россия счаствие. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.

А над невой закат не догонал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга
И не расстают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет,
Над тем, чему названья в мире нет.

1931.

Тихим вечером в тихом саду
Облака отражались в пруду.

Ангел нес в бесконечность звезду
И ее уронил над прудом...

И стоит заколоченный дом,
И молчит заболоченный пруд,
Скоро в нем и лягушки умрут.

И лежишь на болотистом дне
Ты, сиявшая мне в вышине.

1950.

А люди? Ну на что мне люди?
Идет мужик, ведет быка.
Сидит торговка: ноги, груди,
Платочек, круглые бока.

Природа? Вот она - природа -
То дождь и холод, то жара.
Тоска в любое время года,
Как дребезжанье комара.

Конечно есть и развлеченья:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.

1950.

А от цэвс? Никто не ведает притцынн.

Фонвизин.

По улице уносит стружки
Ноябрьский ветер лёдяной.
— Вы русский? — Ну, понятно, русский.
Нос бесконечный. Шарф смешной.

Есть у него жена и дети,
Своя мечта, своя беда...
Как скучно жить на этом свете,
Как неуютно, господа!

Об ёдать, спать, болеть поносом.
Немножко красть. — А кто не крал?
...Такой же Гоголь с длинным носом
Так долго, страшно умирал...

1950.

• • •
Ещё я нахожу очарованье
В случайных мелочах и пустяках —
В романе без конца и без названья,
Вот в этой розе, вянущей в руках.

Мне нравится, что на ее муаре
Колышется дождинок серебро,
Что я нашел ее на тротуаре.
И выброшу в помойное ведро.

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается.

Проходит тысяча мгновенных лет
И переполняется мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтусы, ментик, в "ваше благородие",
В корнета гвардии - о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
Как далеко до завтрашнего дня! ..

И Лермонтов выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звения.

1950.

Я научился понемногу
Шагать со всеми - рядом, в ногу,
По пустякам не волноваться
И правилам повиноваться.

Встают - встаю. Садятся - сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звездный кров над головой.

1950.

227.

Я люблю безнадежный покой,
В октябре - хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности "Песен без слов",
То, что Аиненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев.

1954.

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье
И мы в отчаянье пришли.

— В отчаянье, в приступ последний,
Как будто мы идем зимой
С вечерни в церковке соседней
По снегу русскому домой.

1958.

Кошка крадется по светлой дорожке
Много ли горя в кошачьей судьбе?
Думать об этой обмызганной кошке
Или о розах. Забыть о себе.

Вечер так длинен, и скучен и душен.
Небо в окне, как персидская шаль.
Даже к себе я почти равнодушен,
Даже себя мне почти уж не жаль.

1958.

А что такое вдохновенье?
— Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в солнном парке
Взмахнет крылами Азраил —
И Тютчев пишет без помарки
"Оратор римский говорил"...

1958.